

Люди подземелья, или Как сочетаются смерть, страх и бутерброды с красной икрой

Прощаясь, Олег сказал: «Простите, что вас расстроил». От этих слов вздрогнула. Почему этот человек, переживший ад обстрелов в Мариуполе, прятаясь в подвале всю семью в течение месяца, познавший страх смерти и лютые холод и голод, печётся сейчас о моём моральном состоянии? Но, пожалуй, именно такой человек, познавший, что такое адское пекло, которое может возникнуть на Земле, становится ближе к Богу, и его начинают волновать в большей степени библейские каноны: такой в первую очередь позаботится о ближнем своём, нежели о себе.

Я ответила моему собеседнику вкрадчиво: «Не говорите так, крымчане должны регулярно слышать подобные вашей истории, чтобы у каждого крепко укладывалось в голове понимание, чего нам на самом деле удалось избежать».

Долго думала, как преподнести читателям историю, рассказанную Олегом. Подать под литературным соусом (вычитать, вымерить) или преподнести так, как говорил мой герой?.. Решила, что правда нужна голая, даже если она вся изранена, в шрамах, порезах и порой с нецензурными словами при воспоминаниях о пережитом.

Кроме того, история важна своей голой правдой для того, чтобы не возникало вопросов: почему мы так долго не берём другие города?..

ИЗ МИРНОЙ ЖИЗНИ В АД

Мой собеседник родился в городе Амвросиевка Донецкой области. У него большая семья: трое детей жены Елены от первого брака (Лера, Вика и Артём, правда, старшей Лере уже 23 года, остальные младше) и маленькая совместная дочка Машенька. Семья жила в достатке, у Олега был свой бизнес. Сначала он работал в родном городе, потом некоторое время в Харькове, затем в Краматорске. Семья всегда была рядом. Везде бизнес шёл в гору, но, когда случился ковид, всё рухнуло. А Лена в положении — супруги 7 лет ждали ребёнка. Чтобы легче пережить сложное время, было решено переехать в Мариуполь к родной сестре Олега, которая позвала всю его семью к себе, мол, город кипит жизнью, заводы функционируют, работа есть. И в 2020-м семья 36-летнего мужчины перебирается на новое место, где через два года начнутся боевые действия между нашими российскими войсками и украинскими неонацистами, ряды которых были наполнены карательными подразделениями полка «Азов» (террористическая организация, запрещённая в России).

И вот как вспоминает Олег тот ад, в котором оказалась вся его семья.

— На начало 2022 года мы жили в Мариуполе вчетве-

ром: я, моя жена Лена, Вика, Артём и уже двухлетняя Машенька (моя сестра — в другом микрорайоне). У Вики в феврале день рождения, и чтобы поздравить сестру, к нам приехала Лера, которая жила на тот момент в Донецке. Отметили, а через три дня (24 февраля. — Авт.) началась СВО. Конечно, Леру уже никуда не отпустили. И кто знал, что окажемся в самом пекле. Азовцы сразу перекрыли все выезды из города (на фото показывает большие автобусы, прежде работавшие на общегородских маршрутах, которыми и были заставлены проезды. — Авт.). Так что даже в первые дни СВО вырваться из Мариуполя уже не было никакой возможности.

Мы жили в 12-этажном доме в самом центре города, в районе под названием «Тыщик» (площадь Свободы). А центр обычно считается одним из самых важных стратегических объектов. Вот за него и начались страшные бои. Месяц наши ребята его штурмовали и не могли взять, поскольку азовцы в буквальном смысле превратили нас, жителей, в заложников, разместив свои орудия тут же — в жилом секторе. Для нас начался Армагеддон!

ОБСТРЕЛЫ

— Идёт штурм города — безостановочно летят мины, снаряды. Слышим гул самолёта, если находимся в комнате, сразу выбегаем в коридор. А потом вообще перебрались на лестничную площадку подальше от окон. Там было жутко холодно, сквозняки, но что делать, таким образом пытались спастись. Спали тоже там, в квартиру возвращались только днём.

Олег показывает фотографии, которые делали дети из окна своей квартиры. На одной — длинная очередь за водой.

— Однажды, когда я вышел и, как всегда, занял очередь, по району опять начали работать «Грады». Хорошо, что в тот момент я отошёл в сторонку. Из этой очереди одну женщину осколком убило сразу, потом рядом с ней долго сидел ребёнок и плакал, а одному мужчине оторвало ноги, позже он тоже умер. Меня взрывной волной откинуло, я лежал и смотрел на парня, который лежал напротив, — сзади него ложились снаряды. А он смотрел на меня и на то, как за мной происходит то же самое. Когда обстрел закончился, я буквально влетел в квартиру с криком: «Я живооооо!». Жена вцепилась в меня, плачет и бормочет: «Не надо никакой воды, только не уходи больше!». Потом призналась, что всё это время её не покидала мысль: «Если сейчас выйду и увижу на асфальте твою синюю куртку, сразу умру».

Такие очереди с трёх утра выстраивались и в магазины. Представьте, вы стоите уже почти у кассы, перед вами три человека. Поблизости двое полицейских с автоматами — следят, чтобы не было мародёрства. Вдруг начинается обстрел, страшный грохот кругом, но все продолжают молча стоять в этой очереди, ведь разницы нет, где умереть — тут или на улице. Но здесь шансов выжить больше. При этом не останешься без еды, а значит, надо достоять и оплатить покупку.

— Какие мысли были или их вообще не существовало, один лишь животный страх?

— Я сутками думал, как спасти семью и беспрестанно

повторял одну лишь фразу: «Господи, спаси и сохрани! Господи, пожалуйста, дай выжить!».

В наш дом, в соседние постоянно попадали снаряды, но обходилось без возгораний. Но однажды после очередного обстрела всё-таки случился пожар. Все начали выбегать и... — враспылную: боялись оставаться возле здания. Думали, если дом сложится, то всех под обломками и похоронит. Таких примеров уже было предостаточно. Однако многие люди, кто побежал, так во дворе и остались. Потом мы долго из щели подвала смотрели на разорванные трупы, которые собаки растаскивали по кускам.

Наша семья жила на третьем этаже, мы сразу рванули в подвал — уж не знаю, почему, видимо, инстинкт самосохранения сработал лучше, чем у других. Мы выбежали в чём были. А на улице мороз, ветер. В подвале не намного лучше. Нужны были тёплые вещи. Я видел тех, кто вечером засыпал на бетонном полу, а утром уже не просыпался — замерзал до смерти.

В здание войти было невозможно, огонь распространялся мгновенно. Пришлось лезть по внешней стороне дома, по кондиционерам. Когда влез в квартиру, снаряды продолжали бить по округе. Адреналин зашкаливал, я даже не понимал, что нужно брать, а что нет. Всё, что попало на глаза, выкидывал через окно на улицу: матрацы, полотенца, кухонную утварь. Как загнанный зверь метался из комнаты в комнату и хватал всё подряд. Пламя подходило всё ближе, под рукой оказался пакет молока, я им начал заливать огонь, чтобы выиграть ещё немного времени. Соседние квартиры уже выгорели полностью. Сосед на лестничной площадке, куда я

периодически выбегал во время прилётов, сидел, курил, потом оборачивается и безнадёжно, с каким-то даже безразличием, произносит: «Смирись, сгорела хата». «Как, — говорю, — смирись?! У меня дети. Мне надо, чтобы они не замёрзли и чтобы ели». И опять забегая в квартиру, чтобы продолжить собирать тёплые вещи. Тут меня огонь зацепил — обжог руку. Вот, сижу с повязкой (показывает фото, где все члены семьи, чёрные от грязи и сажи. — Авт.). А когда спускался, где-то совсем рядом взорвался очередной снаряд, я и сорвался со второго этажа. Повредил ногу. Болела жутко, пока не сделал операцию. Кстати, прооперировали меня уже здесь, в Крыму, благодаря помощи крымских властей: Сергей Аксёнов откликнулся на письмо моей жены. Спасибо ему и его помощнику Станиславу Грецкому за всё, что они для нас сделали, — огромное! А когда мы спаслись и перебрались в Макеевку,

обнаружил, что у меня ещё и пятки отморожены. Наверное, когда спал, а спал больше месяца исключительно сидя, чтобы сильно не погружаться в сон, тогда и отморозил. В дни нашего пребывания в подвале я всё время за всем следил, укутывал детей, сушил вещи, грел у себя за пазухой ботиночки Маши. Да чего я тогда только не делал, и всё как-то на автомате.

ПОДВАЛ

— Когда смотрю на эту фотографию, всегда плачу. Тут запечатлена моя двухлетняя Маша, которая рисует палочкой на пыльном полу в подвале — у ребёнка нет других игр, она не понимает, почему нет Интернета с мультиками. А через щель, о которой я вам рассказывал, пробивалось солнышко, и пыль, стоявшая в воздухе, казалась дочке красивой и загадочной. Маша подставляла к свету ручки и смеялась, рассматривая, как вокруг пальчиков плавают пылинки. В такие моменты моя душа разрывалась на части, от бессилия внутри буквально клочкотала истерика.

Один из снарядов влетел в кафе, что находилось напротив нашего дома. Разлетелось много деревянных предметов, щепки от которых я стал регулярно собирать, чтобы разводил огонь для приготовления еды. А ещё в кафе разбился аквариум. Вода в нём давно превратилась в лёд, так как здание пустовало и, естественно, не отапливалось, как, впрочем, и все остальные дома в округе. Я эти куски льда приволок в подвал, растапливал в кружке на костре, кипятил, остужал, через ткань футболки фильтровал и потом на этой воде заваривал Маше кашу. Она ела один раз в день, поскольку никакой другой пищи её организм не воспринимал, а овсянка быстрого приготовления, несколько пакетов молока, масло, которые предназначались только для Маши, надо было растянуть на неопределённое время. При этом никто из нас за тот месяц не заболел — видно, организм каждого, находясь в стрессе, подтягивал все жизненные ресурсы. Зато потом, когда мы уже были в безопасности и добрались до Макеевки, слегли сразу все: заболели чем-то инфекционным, возможно, ковидом. Но это всё — потом, а сейчас мы выживали...

В моменты затишья я вновь и вновь выбирался из подвала и собирал щепки. Далеко от подвала отходить не осмеливался — в любую секунду мог быть прилёт. Где ложились мины — не знаю, но шаршило так, будто земля разверзлась совсем рядом. Меня контузило, и теперь, когда слышу звук, похожий на выстрел или взрыв, всё тело сводит судорогой. А ещё на верхнем этаже нашего дома засел азовец-снайпер. Он принялся меня пугать: только вылезу щепки собирать, начинает стрелять. Сначала я думал, что не попадает, потом понял: просто так изуверски развлекается. Спустя время я на него уже и внимания не обращал: хожу, собираю деревянные обломки, а вокруг только асфальт разлетается в мелкую крошку.

Однажды азовцы стали ломиться в наш подвал. Хорошо, что входную дверь, которую вышибло во время взрыва, я приставлял к проёму и подпирал её большущим ящиком весом эдак килограммов двести. Эти вояки толкали-толкали, потом кто-то из них сказал, мол, бесполезно, видно, внутри всё завалило. С того дня я постоянно стал дверь бар-

рикадировать — жуть, как мы боялись этих карателей. В один из солнечных дней я вынес дочку на улицу (переживал, что в постоянном полумраке она начнёт зрение терять). Это был уже конец марта: птички поют, затишье — никто не стреляет. И тут — группа азовцев. Нам уже поздно было дёргаться. Замерли мы с ней. А те в полном обмундировании, словно черепашки-ниндзя, идут с гранатомётами наперевес. Идут, будто нас и не замечают. За ними следом бежит одетый по гражданке, в руках две канистры воды. Все они нас точно видели, но даже глотка воды не предложили. Знаете, прошли так, будто хотели сказать, мол, спасибо скажите, что не пристрелили. А когда мы у россиян оказались, они нам сразу всё самое лучшее из своего пайка отдали. Тогда я первый раз разрыдался. Помню, кормлю Машу горячим супом, а она хлебает и шоколадкой, которую ей наши, российские, солдаты дали, закусывает. Это, с**а, был сильный момент в моей жизни (он вновь не может сдержать слёз. — Авт.).

ВЫХОД

— Так как вы смогли спастись?

— Каждый день я запоминал, когда бой начинается, сколько длится. Штурм всегда начинался в шесть утра и беспрерывно длился до двенадцати дня. Танки, авиация, пулемёты — всё было задействовано. С 12.00 до 13.00 — затишье. Потом опять начинают лететь мины, потом тихо, затем вновь летят, и опять тихо. Через время «Белый лебедь» начинает скидывать ФАБы (фугасные авиабомбы. — Авт.) — бух-бух-бух. Потом штурмовая авиация отработывает. И если российские войска били по укреплениям вэсэушников, то эти лупили, куда придётся, в том числе и в упор по домам. Скажу больше, украинские танки под покровом ночи заезжали во дворы и наобум стреляли по жилому сектору. Делали это, наверное, от бессильной злобы и чтобы снаряды русским не достались. Передохнуть от этого кошмара можно было лишь

полтора часа — с полпятого утра до шести утра. В это время закон тишины соблюдался обеими сторонами. Зато начинал развлекаться «наш домашний» снайпер, как мы называли азовца, засевшего над нами. И так целый месяц. У меня уже чуйка на всё была, как у собаки.

Тут вдруг тишина всё утро. Я говорю своим, что это шанс уйти отсюда и добраться до наших. Но у всех истерика: боются, что убьют по дороге. Жена в слезах: «Ладно, нас застрелят — мне всё равно, но не дай Бог на моих глазах убьют кого-то из детей, что мне тогда делать?!». И всё-таки я уговорил. Перед входом встал на колени и начал молиться, просить вывести нас.

Мы шли к арке, расположенной между домами. Прямо там засели азовцы. Но другого прохода не было, и мы двинулись в их сторону. Шли через двор, усыпанный мёртвыми телами. Целые семьи — как бежали, так и падали. Их было очень много, азовцы не собирали трупы, поэтому они уже были присыпаны, можно сказать, временем.

Подошли к арке. Под ней вся земля усыпана шприцами. Я затолкал своих в подъезд и, как бы обращаясь к своей семье, начал кричать, чтобы азовцы слышали: «Не бойтесь, это свои, они нас не тронут, это наши ребята — украинцы». И своим подмигиваю. Они сначала стояли с широко открытыми глазами, но потом поняли, зачем я это делаю. Выступил один военный, и я уже ему говорю: «Пропусти! У меня пятеро детей и старики (с нами был ещё один парень и пожилая пара — мы все вместе сидели в подвале). Нет ни еды, ни воды, мы здесь по-любому сдохнем». Он махнул рукой. И мы пошли.

Шли и ждали, что сейчас сзади прозвучит пулемётная очередь. Проходить пришлось широкий проспект Мира. Моя

собака, которая вместе с нами пережила все ужасы жизни в подземелье, не дёргалась, будто чувствовала, что нужно слушать хозяина: двигалась буквально в ногу со мной. И вдруг из-за дома, к которому мы приближались, вышел военный и стал махать рукой. Он был без опознавательных знаков. Пронеслась мысль: «Вэсэушник, неужели мы ещё не вышли к своим?!». Комок подкатил к горлу — неужто так и не спасёмся?.. И тут выходит другой, а на рукаве — белая повязка. Все мои начали плакать.

Нас обыскали, осмотрели, солдаты сразу дали пак воды, а малышке — шоколадку. В бомбоубежище, куда нас сопроводили, выдали памперсы, влажные салфетки, антисептики, ребёнку — тарелку горячего супа. С нами оказалось ещё двое — один хромой, другой слепой. Хромой под бомбёжками вёл с правого берега Днепра своего слепого друга. У обоих, как и у нас, ни царапины. Они тоже всю дорогу молились. В тот день у нас был пир. Я с собой прихватил несколько банок красной икры, которую по ложке в день мы ели весь месяц. Небольшой ящик принёс мой сосед, когда разбомбили магазин. Он сам тогда не знал, что там. И вот мы все дружно сидим и вспоминаем, у кого что осталось из провизии. Мужики достают хлеб, я вспоминаю, что ещё остался кусочек Машкиного масла. Представляете?! Мы понимаем, что спасены, слышим, наверху продолжается бой, а мы тут — сидим в безопасности и уплетаем бутерброды с красной икрой, будто отмечаем Новый год. Я этот момент не забуду никогда, как и тот, когда моя дочка ела суп и одновременно откусывала шоколадку.

Для этих людей началось не просто новое времяисчисление, началась другая жизнь. И теперь они в Крыму — армейский друг Олега привёз всю его семью на солнечный полуостров, к ласковому безмятежному морю. Но потом в поисках работы они перебрались в Симферополь. Да, им трудно, немисливо много житейских проблем, однако дружная семья старается с ними справляться. Говорят, если выжили в огненном аду, прорвутся и тут. Крымские власти им помогают. Надеемся, и в дальнейшем эту семью не оставят без внимания.

Ольга САФРОНОВА.

